

Книга I

Золотые яблоки Дажьбога

Все персонажи книги являются вымышленными, совпадения с реальными людьми случайны. Автор не ставил целью: задеть чьи-либо мировоззренческие чувства.

Пролог

- Зябко! – кутаясь в тяжелый меховой плащ, словно желая зарыться поглубже в уютное тепло накидки, высокий статный мужчина вглядывался в даль сквозь узкую прорезь окна. Легкий ветерок, лаская, трепал его седую бороду, пепельные волосы, собранные в тугой «хвост», лежали неподвижно. – Тучны нынче стада. – Он прищурился, с удовольствием рассматривая с верхнего этажа башни выстроившиеся, аки на торжественный смотр, шеренги облаков и грозных туч.

– Урожайная пора, – подал голос один из соратников, стоявших за спиной седеющего, но еще пышущего силой князя. Говоривший был коренаст, шире в плечах, чем его предводитель, и очень молод, хотя шрамы на лице свидетельствовали о недюжинном боевом опыте. Он широко улыбался, сверкая белоснежными зубами, искренне радуясь происходящему за окном. – Славно потрудились. – В голубых глазах мужчины играла буря; если присмотреться пристальнее, чудилось, что вот-вот раздадутся раскаты грома.

- Холодает... – Пронзая взглядом стройные ряды облаков и туч, князь все сильнее хмурился, словно не услышав старшего сына, он зрил гораздо дальше, чем позволяли очи обычного смертного.

Неожиданно за его спиной в окно, больше походившее на бойницу, влетел поток воздуха, тут же закружившись клубком, следом – второй. Проносясь под

потолком, они угомонились лишь под гневным, вот-вот угрожающим вспыхнуть яростью взором старшего сына князя. Сам князь, словно не заметив происходящей кутерьмы, с брезгливой гримасой буравил взглядом горизонт.

– Полудник, Полуночник! Угомнитесь! – четко произнося каждое слово лишь губами, коренастый сверлил младших братьев взглядом.

Те, словно не замечая повисшего в воздухе напряжения, заулюлюкали и, смеясь, попытались приблизиться и похлопать по плечу говорившего.

– Полно тебе, Посвист!

– Чего сердитый такой? Айда с нами тучи гонять!

Но, наткнувшись на свирепый взор тотчас смолкли, зная характер скорого на расправу старшего брата.

В башню ударила волна, вторая, третья – словно огромный таран, стремившийся нанести урон этой несокрушимой твердыне. Наконец, напор стих, и через то же окно, куда влетели братья-весельчаки, ворвался, неся морозную свежесть, стихавший с каждым мигом смерч.

Близнецы и остальные братья, которые все это время молча стояли позади Посвиста, разом вздрогнули. Их отец повернулся с тревожным любопытством. В тот же миг от душераздирающего крика камни крепости вздрогнули. Голосил молодой мужчина, лежавший навзничь на месте развеявшегося смерча. Его тело было изодрано. Из множества ран, нарывающих черным гноем, струились небольшие завихрения.

– Сиверко! – Один из множества младших братьев, доселе стоявших молча, попытались приблизиться к раненому.

Но их опередил князь, моментально оказавшийся подле лежавшего.

– Говори! – повелел он раненому гулким голосом.

– Вра... вра... – У того не было сил, чтобы ответить более внятно, но, видя недоумение и тревогу в глазах отца, он все же сумел податься всем телом вперед, выдохнув: «Враги!», и уронил голову на руки родителя.

Из застывшей в небесной тверди, высившейся шпильями над облаками, Крепости Тысячи Ветров, с диким ревом и звонким посвистом, из всех окон, бойниц и просто щелей, вылетали дети Стрибога. Следуя наказу «Смотреть и докладывать немедля!», они устремились каждый в свой удел. Сам князь, оставшись в одиночестве, всё сильнее хмурясь, теребил потертый хлыст, которым обычно погонял облака, и, не отрывая взора от заветной дали, гадал: что же затаилось на севере, там, за окоёмом?

Вещие сны

– Окружай!

Еще секунду назад умиротворенный увядающим спокойствием золотой осени лес взорвался ворохом разлетающихся в стороны желтых листьев, закружился хороводом мелькающих теней и содроганием земли от топота множества ног.

– Ар-рх!

– Живее! – голос загонщика ревел. Явственно чувствовалось, что ему трудно дается речь: окрики, похожие больше на рычание, чем на слова, разносились далеко по всей округе. – Хватайте её живой! – Это «живой» было произнесено с особым вкусом, так бывает у сладкоежек, которые лелеют глазами очередную вкусность, прежде чем её слопать.

Стая ответила дружным воем.

Сегодня поистине славный день: добыче не ускользнуть. Многодневная слежка и неожиданно изнурительная погоня обещали закончиться большой удачей. Вожак, перебирая огромными лапами, неся во всю прыть, отчего листья взмывали высоко вверх и, не решаясь опуститься обратно на землю, замирали в воздухе. Обходя добычу слева, хищник готовился покончить с растянувшейся на несколько дней охотой одним прыжком. Отмечая для себя на будущее ошибки молодняка, которые, конечно, не могли стоить потери трофея, но все же нервировали опытного волколака, он слегка ускорился, не упуская из виду петлявшую меж деревьями жертву. Час триумфа близился. Хотя оборотень понимал, что стая слишком далеко зашла в порубежье, но отступать было уже поздно.

- Окружай же! – вновь прорычал Волк, недовольный медлительностью своры. И уже сквозь зубы добавил: – Вот я вам, когда вернемся в логово... –Он отлично знал, что его услышат.

Но договорить, а точнее, дорычать, оборотень не успел. Совсем неожиданно, с каждым рывком тяжелых лап приближающаяся цель, так манящая теплом и запахом человека, вдруг куда-то запропастилась, словно растворилась в воздухе. В этот же момент вдали показались волки, которые должны были замкнуть круг. Что они и сделали, предательски опоздав. Не сумев остановиться, оборотень споткнулся, покотившись кубарем, тотчас вскочил, озираясь по сторонам, в первую очередь не в поисках невесть куда пропавшей жертвы, а пытаясь увидеть, посмел ли кто-то из своры посмеяться над его нелепым падением. Убедившись, что его авторитет не пострадал, Волк начал обнюхивать воздух, горя желанием скорее найти беглеца.

– Аа’у! – С другой стороны перелеска взвизгнул, заскулив волк.

Затем ещё один и ещё.

Навострив уши, вожак не верил острому чутью: за деревьями гибла его стая. Быстро и неумолимо. Уже не отдавая команды – всё почувствовали то же, что и вожак, – ярящийся волколак, оскалившись, рыча и брызгая слюной, ринулся к месту бойни: брать живьем – отменялось.

В голове оборотня бился не могущий найти ответа вопрос: «Кто посмел? А главное, кто смог так легко, словно ссохшуюся траву, выкосить бойцов моей своры?» На охоту вышел не только молодежь, но и зрелые, опытные оборотни. Они-то и находились с той стороны перелеска, где кипел бой.

Прорываясь сквозь мелкие кусты, огибая стоящие на пути деревья, волколак спешил, но трагически опаздывал, чуя нутром, что уже многие его собратья развоплощены и их Сила вот-вот развеется в этом зловещем месте. То же самое чувствовали и те, кто плечом к плечу неся во всю прыть рядом с вожаком. В стае царил ужас, к горлу подкатывала паника, лишь железная воля предводителя гнала зверей вперед.

С каждым прыжком всё отчетливее слышались крики и рычание, раздававшиеся из-за высоких кустов шиповника, который не позволял на расстоянии узреть, что же там творится.

- Р-р-рах-арх! – хрипели оборотни, успевшие вступить в бой.

И умолкали, сраженные неведомым противником.

- Да сколько же вас навалило на мою голову?! – послышался звонкий девичий голос.

Совсем не воинственный. Той, что таким голосом обладает на вечерках петь да молодых смущать, а не истреблять волчью стаю, которая гнала добычу столь долго и самозабвенно. И в итоге нагнала на самом рубеже пограничной земли, простирающейся сразу за рекой Смородиной, перед началом Яви.

- Зарекаю именем... – Дальше услышать не удалось. Девушка не унималась, встречая все новых и новых противников отпором.

Что-то свистнуло над ухом вожака. Лишь огромный опыт и чутье предводителя дали шанс Волку, позволив уклониться в самый последний момент. Двигающемуся следом повезло меньше, он рыкнул и начал растворяться в воздухе, с каждым мгновением становясь все менее видимым, пока совсем не исчез.

– Убирайтесь прочь! Исчадья Нави! – Девушка не унималась. – Там вам всем и место!

Только сейчас, прильнув к земле и аккуратно проползая под кустами, так, чтобы ни веточка не хрустнула, ни лист не шелохнулся, волколак в испуге рассмотрел воительницу.

«Эх, знал бы раньше, не начал бы охоту», – с горечью подумал он, клацая большими острыми зубами, даже не собираясь ринуться на врага – своя шкура дороже.

Облаченная в меха, с капюшоном из морды рыси, ловко орудующая длинным луком девица в этот самый миг неожиданно резко уклонилась от летящего на нее противника, выпустив стрелу в упор во второго, атаковавшего следом за первым. Развернулась и метким выстрелом покончила с проскочившим мимо нее нападавшим.

Оборотни, предусмотрительно сменив облик на человеческий, с яростью бросались на несостоявшуюся добычу, размахивая секирами, мечами и молотами, но не могли одержать верх, падая после встречи со стремительными молниями-стрелами юной девы.

– Фю-ю-ю! – Волк присвистнул.

Эта добыча была ему точно не по зубам. Возможно, в Нави у них и был шанс, но теперь, когда сила оборотней таяла под лучами едва пробивающегося сквозь густые кроны рассветного Хорса, перевес был явно на стороне лучницы. Вожак решил отсидеться в надежном схроне, надеясь после, когда несостоявшаяся добыча уйдет, двинуться к логову, дабы сообщить остальным, кто же на самом деле шастал все это время в мире Кащяя.

– Ну, кто следующий? – Девушка нервно смеялась, осматривая пустынный и успокаивающийся лес.

Правда, несмотря на всю эту бравладу и напускную лихость, силы быстро её покидала: нелегко дался бой с тенями мрака, волками-оборотнями Чернобога. К тому же гноились раны, полученные, у Стражей, бой с которыми закончился весьма плачевно. Но больше всего давило другое: искомое так и осталось в Царстве Вечного Сна. А значит, всё тщетно, и грядущее не предотвратить.

Ранее.

– Не дай ему пройти!.. – Сон болезненно прервался, выбросив ребенка из сладкой неги, нисколько не беспокоясь о несчастном, так не вовремя посетившем мир грез.

Мальчик озирался по сторонам, моргая и не совсем понимая, где он. На губах – привкус крови, в душе – давящая пустота. И огромная тяжесть на плечах, словно кто-то из мира сновидений тянул назад, не желая отпускать в Явь. В голове крутились чьи-то слова: «Не дай пройти!..»

Снова видения, что преследовали мальчика не первый год. Начались они после странного случая на Купалу. Сколько же нервов извели родители себе и сыну. Психологи – гештальты, юнги, фрейдис – сыпались на неокрепшую детскую психику как из рога изобилия. Ничего не помогало. Правда, взрослым почти удалось убедить чадо, что ему просто напекло голову и все привиделось. Но наступила первая годовщина памятных

событий. И с той поры, как по часам, каждый год в канун летнего солнцестояния, образы приходили вновь. Очень смутно, словно не могли пройти некую преграду, но, тем не менее, постоянно и настойчиво. Приходили, накатывая с нарастающей силой, и устало угасали спустя две-три недели.

В глазах матери вместе с болью и тревогой, сын замечал что-то ещё. Порою виделось, что на самом деле она знает: всё случившееся в ту ночь – правда, но, тем не менее, желая оградить сына от этих знаний, кутает его в кокон лжи, обернутый блестящим, но все же липовым фантиком заботы.

В этот год видения усилились, став гораздо ярче и интенсивнее. Порою, проходя возле зеркал, мальчику казалось, по ту сторону стекла вовсе не его отражение. Он зажмурился и старался поменьше смотреть в обманчивую гладь. Один раз даже показалось, что в зеркале на миг появилась и сразу исчезла Берегиня.

Но такой яркий сон приснился впервые.

– Привидится же! – Зевая, Ратибор озирался по сторонам, пытаясь, осмотревшись, убедиться, что проснулся в своей комнате, на собственной кровати. – Уф! – Выдохнув, мальчик расслабился и упал на подушку, желая поскорее заснуть.

Но как только мягкость перьев, которыми подушка была набита, приняла затылок сонного ребенка, его словно захлестнуло волной. Подрагивая, всеми струнами души ощущая, что это не сон, Ратибор довольно четко, во всех мелких деталях вспомнил, что ему привиделось перед этим неожиданным пробуждением.

Воспоминание оживало, наполняясь красками и звуками.

Чад пепелища едва расступился, и сквозь мглу, которую даже лучи Хорса не в силах одолеть, вышел он. Горделиво. Надменно. Угрожающе пыша паром, он предстал во всей красе. Ужас во плоти, древняя легенда, пожиратель дев и губитель мужей.

У мальчика дрожали коленки. Ратибор узнал Горыныча. Как не узнать? А Змей опознал давнишнего противника, которого не смог захватить там, на поляне с живой и мертвой водой, у старой заброшенной капи Велеса. Самое поразительное, что ящер не только узнал, но и не был особо удивлен, хотя как это понять у огромной рептилии, не ясно.

Было легко угадан и Калинов мост – перепутье дня и ночи, граница жизни, вход в царство Чернобога. Хотя воочию мальчик его ни разу не видел.

Немало витязей сложило здесь головы – выжженная земля щедро усеяна черепами.

Когда показалось, что всё, некому защитить от Змея, преградив чудищу дорогу, перед Ратибором встал воин. Меч, щит и алый плащ – все, что сумел разобрать ребенок.

А ещё прозвучали обжигающие сердце слова. Они звучали неспешно, нараспев, но напористо и властно, словно их нашептывал сам ветер:

*«Дрожит весь мир под страшной поступью
Дракона,*

Лишь видно очертание в полумгле...

Калинов мост – на грани веры, жизни и закона!

Не дать пройти врагу к Родной своей Земле...



*Не дай испить с отцовской чаши,
Руби отважно, рьяно, но не сгоряча.
Лихая смерть в бою – для воина всех краше,
Стекает время с остря меч¹».*

Затем он проснулся.

– Дела-а... – Ратибор снова выдохнул, отгоняя тревожные мысли. И натянул одеяло до самого носа, словно оно могло уберечь от опасности.

До жути хотелось спать. Ватная голова тонула в подушке. Напала зевота, не желавшая легко отступить от беспомощной жертвы.

– Баю-баю-ю-ю... – Мальчик сладко раскрыл рот, расслабляясь и успокаиваясь. – Бай... – Но тотчас подскочил, как ужаленный, вспомнив, при каких обстоятельствах в прошлый раз он произносил эту детскую считалочку и что случилось следом.

Ноги похолодели, сердце забилося сильнее, готовясь выпрыгнуть из груди: в коридоре послышался шорох. И не понять, в реальности или лишь в голове напуганного ребенка, эти звуки стали складываться в зловещее «Чую-чую...». Обдало холодным потом. Навалилась паника, вцепившись острыми когтями, парализуя и заставляя сильнее вжиматься в кровать, нежели сделать пусть даже тщетную, но все же попытку к борьбе или хотя бы к бегству.

Скрипнула дверь в комнату. Ратибор, приходя в себя, все же нашел силы посмотреть в ту сторону. «Неужели, кто-то из наввих посмел? Я же правнук самого Кашея!» – Неожиданная мысль подбодрила. С ворохом

¹ Тут и далее, стихи автора.

воспоминаний пришла и уверенность в себе, и боевой азарт. «Трусить в собственном доме? После всех злоключений на тропах Нави! Дудки!» – Даже не замечая, чьими словами он говорит, мальчик вскочил, отбрасывая одеяло, выставив кулачки в сторону двери.

Неожиданно, что-то мягкое и пушистое уткнулось в ноги.

– Вась... – Ратибор расслабился, начав произносить имя кота, но опомнившись, отскочил, уставившись во тьму, желая разглядеть, кто же там внизу: усатого-полосатого еще прошлым утром родители забрали с собой на дачу.

Долго не думая, мальчик рванул к выключателю, сбив по дороге стул, ударившись пальцем ноги, отчего заойкал, но сумел выполнить задуманное.

– Ба! – Он прильнул к стене.

По полу, как ни в чем не бывало, к мальчику катился заветный клубок ниток. Словно верный пес, он уткнулся в ногу вздрогнувшего Ратибора.

Вновь скрипнула, отворяясь, дверь в комнату. Ребенок попятился бочком, сбрасывая на пол развешенные на стене картины, но тут же замер как вкопанный, чтобы, заикаясь, произнести имя вошедшего.

– Что же ты, миленький мой? – Хохот за спиной собеседницы заставлял парня краснеть пуще прежнего.

– Иди же к нам!

– Мы ждем!

– Скорее же!

- Тут хорошо!
- С нами весело!
- Зацелуем!
- Не робей же!

И, снова заливаясь озорным хохотом, девичья гурьба продолжала плескаться в воде.

– Ну их всех! – Красавица недовольно покосилась на подружек, стараясь надолго не отрывать взгляда от стоявшего перед ней по колено в воде парня. – Ты так пригож. – Она отступила назад, протягивая руки.

– Ты очень мила. – Паренек с опаской, сопротивляясь, но уступая чарам, протянул руки в ответ и сделал неуверенный шаг вперед. Ноги ушли в ил по лодыжку.

– Идем же! – Девушка нервничала.

Уже далеко не первый её «жених», да и опыта поболее, чем прежде, ан нет, нынешняя купальская ночь с самого начала не заладилась, всё встало с ног на голову. Ещё эти непонятные огни на переходе в Явь. А теперь и парень ерепенился, чего не было уже долгое время. С того самого памятного «женишка» – его, вроде, Ходутой именовали.

– Может, не надо... – В неуверенности юноши чувствовалась тревога.

– Давай целоваться. – Отбросив воспоминания, русалка решила прибегнуть к самому действенному средству и потянулась губами к собеседнику.

В тот момент, когда их уста почти соприкоснулись, из прибрежных кустов выскочила разгоряченная деваха в льняной обережной рубахе. Вздывая брызги, она уверенно неслась к «брачующимся».

– Гореслав! Гореславушка! – Сорвав с головы набекрень надетый венок, чем еще сильнее взъерошила и

так растрепанные волосы, она швырнула его в русалку. Той пришлось отстраниться от жертвы, опускаясь в воду по шее.

– Любава! Любавушка моя! – Парень с трудом шевелил языком. – Заморочили меня! Ты не подумай чего...

– Куда ж тебя понесло-то! – Девушка пустила слезу, стремясь дойти до суженого. Водоросли цеплялись за ноги. На удивление топкий ил сковывал движение. Но тщетно.

– Так я прогуливался, думал, какой подарочек тебе сделать.

– Прогуливался он! – Девушка, сумевшая схватить парня за руку, с упорством тянула его к берегу, нисколько не дивясь холоду, идущему от наполовину обнаженного тела. – Я тебе покажу подарочек! Такой подарочек тебе устрою! – Она уже успела развязать пояс и начала подгонять им Гореслава, умело хлеща раздосадованного жениха.

– Любавушка, полно тебе! – Он, как мог, изворачивался, уже жалея, что не пошел с русалками. Уж лучше с ними пропасть, чем со сварливой женой век коротать.

Берегиня не видела этой перепалки – было не до того. Как только она опустилась в воду, тело обдало жаром.

– Ратибор! – Она почувствовала мальчика, стоявшего у Калинового моста.

Нахлынули воспоминания, задевая самые тонкие струны. Тело отозвалось, стало чуточку теплее.словно как прежде, её друг рядом, и она может дышать его Силой. Не стать живой, но быть рядом с живым. Отнюдь не ради

забавы, как со всеми пресловутыми «женишками», а лишь для того, чтобы Быть.

Ноги слились в извивающийся хвост. В лунном свете блеснул плавник. Берегиня неслась к Калиновому мосту. Позади остались удивленные вскрики товаров, брань Любавы с Гореславом, годы забвения и туманного существования. Впереди была настоящая цель. Как в ту, озаренную полной Лунокупальскую ночь. А еще там был мальчик Ратибор, которого вновь нужно оберегать. Это значит быть истинной берегиней, а не мавкой-утопительницей.

Решив не подплывать вплотную к мосту (предосторожность никогда не повредит), она вынырнула посреди реки и, похвалив себя за предусмотрительность, тотчас нырнула вновь, уходя в глубину, затем вперед, стремясь достичь берега реки Смородины.

«Слишком многолюдно», – подумала русалка, выныривая ниже по течению и укрывшись за выпуклым отрезком суши на повороте реки.

На другом берегу, как раз там, где девушка хотела выбраться из реки, гомонили люди. Небольшой отряд словно готовился к переправе.

– Как же они собираются пройти? – Мавка недоумевала.

Ей самой удавалось плавать по горячей реке, отделяющей мир Нави от мира живых, лишь благодаря давнему сговору: в русалью неделю любой водоем был доступен для мавок, даже Смородина река. Но что тут делают волки, было невдомек. Она принюхалась; сквозь гарь смоляной реки донесся едва уловимый запах.

– Оборотни! – Берегиня была готова дать стрекача. Лишь мысли о Ратиборе держали девушку. – Только не это!

Но чутьё не обманешь – на том берегу был не кто иной, как Волк – оборотень, с которым пришлось вступить в неравный бой на навьих тропах. Один из лучших воевод Чернобога, проигравший в прошлый раз, но явно жаждущий мести. Такие не прощают.

Недруг тоже почуял присутствие Берегини. На берегу закопошились. Крики стали громче и злее. Стая готовилась к переправе через реку.

– Им не пройти! – Русалка повторяла эти слова, как заклинание, всем нутром чуя, что её чаяниям не суждено сбыться – неспроста же пограничный отряд оборотней собрался сегодня в этом месте.

Упустив момент, когда всё началось, девушка успела углядеть только то, что волколаки бросали нечто на горящую жижу и в том месте образовывалась пышущая паром ледяная тропа, по которой, пользуясь предоставленной возможностью, враги начали быстро продвигаться прямиком к затаившейся Берегине.

Когда окрики стали слышны более отчетливо, русалка, недолго думая, ушла на глубину. Благо, что к этому моменту чувство присутствия Ратибора пропало, словно его вовсе не было.

– Живее, вы!

– Не мешкай – упустим!

– Была же тут?!

Стая стояла подле места, где пряталась девушка. Оборотни с досадой втягивали воздух, чуя её сладкий запах. Но самой нет – ушла, ушла мавка!

– Полно! – Волк с досадой всматривался в реку. Он был бессилён – путь в пучину заказан. Да и цель перед ними стояла совсем иная. Большая, даже грандиозная цель, от которой теперь зависит не только судьба его

самого, но и величие всей Нави. – Уходим! Впереди порубежье.

– Велес?! – Мальчик с облегчением выдохнул, его голос дрожал. Но если до этого момента волнение вызывал страх, то сейчас его сменил восторг. – Я так рад... – Чувства требовали выхода, и он кинулся с объятиями к старому знакомому.

Ночной гости был спокоен и сдержан, как тогда, далекие четыре года назад. С высоты немалого роста взирая на Ратибора, он лишь слегка щурился.

– Полно! Мы уже на месте.

Лицо мальчика приятно ласкал слабый ветерок. «Неужели дверь открыта? Будь неладен этот сквозняк!» – Мысль выветрилась из головы так же быстро, как и объявилась в ней, стоило только отпустить могучего Бога и бегло осмотреться.

– Неужели?! – Дыхание сперло, глаза стали как блюдца.

Статные березы, мерно покачивая ветвями, приветствовали Ратибора. Раскидистый ясень, казалось, только и ждал его появления. Мальчик даже не задумывался, как и почему волшебные события начинают происходить с ним вновь. Да и какая разница, в конце концов, если сам Вещий Лес встречает тебя как родного? Душа пела.

Не задерживаясь и не оглядываясь, Велес уже шагал к средоточию своей силы – Мировому дереву. Успевший за это время начитать всевозможных мифов,

легенд и сказок народов мира, Ратибор ведал, что у многих из них существовали предания об этом месте; видать, не только ему посчастливилось побывать в волшебной роще.

– Обожди меня! – Мальчик вприпрыжку побежал за провожатым, широко размахивая руками и счастливо улыбаясь.

Лишь одно омрачало его радость: чудилось – лес изменился. Даже, скорее всего, не сам лес, а что-то иное, неуловимое.

– Вот балда! – Ратибора только сейчас осенило: при прошлом его визите кругом разливался яркий дневной свет, хотя и Солнце отсутствовало. А сейчас на деревья медленно, но неотвратно наваливался сумрак. Смеркалось.

Погрузившись в думы, он не сразу заметил, что в заветном Лесу он не один: по тропам, ведущим к ясеню, с разных сторон двигались несколько фигур. То и дело мелькая меж деревьями, они приближались к раскидистому дереву. Трое мужчин и молодая девушка, одетые в обережные рубахи, а самый статный из них ещё и в кольчуге. Все при оружии; казалось, путники сотканы из тумана.

– Снова туман? – Мальчик поёжился, не сбавляя ходу, продолжая идти за проводником, рискуя вот-вот догнать одного из мужчин. Тот словно не замечал преследователя.

Тем временем дошедший до ясеня Велес достал невесть откуда взявшиеся гусли и немедля, присев в корнях исполина, ударил по струнам. По окрестностям начала струиться мелодичная музыка.

– Гой еси Велесе! – Один из путников уже успел подойти в хозяину этого места.

– Еси гой! – раздалось в ответ.

Ратибор ускорил шаг, ему очень хотелось не пропустить ни одного слова, оброненного в центре поляны. Но как он ни старался, сумел подойти лишь после того, как все остальные гости уже уселись подле Медвежьего Бога, а тот, в свою очередь, исполнил одну песню.

– Кто они? – Видя, что сотканые из дымки люди не обращают на мальчика никакого внимания, Ратибор, встретившись взглядом с могущественным покровителем, осмелел. – Призраки?

– Для них ты такой же призрак, как и они для тебя.

– Как же так? Я не понимаю!

– Но в отличие от тебя их великие предки научили опасаться живых, а не ушедших, – словно не слыша мальчика, продолжал Велес. – Тебя же учили смотреть, но не видеть, слушать, но не слышать, думать, но не находить ответы.

– Поэтому я здесь?

– И поэтому тоже. Я погляжу, ты заметил, что Сила уходит даже из этого места.

– Но как же? Сила должна возвращаться. Я сам видел... – Мальчик замялся под пристальным, чуть насмешливым взглядом собеседника.

– О чём я и реку: ты смотрел, но не увидел. – Он помедлил. – Да и не дано тебе, конечно, узреть такое. Сила, возвращаясь в мир, зачастую минует нас.

– Мы же одолели Кащея! – Едва не крича, мальчик с обидой смотрел на собеседника. – Да и обрядов и праздников всё больше и больше, – вспомнил он публикации из интернета, о растущем интересе людей к родной культуре.

- У Силы нашлись новые хозяева – наши древние враги.

– Поэтому я здесь?

– Шустрый! – Велес усмехнулся. – За тебя снова попросили, а я не смог отказать.

– Кто, кто попросил? – В глазах Ратибора теплилась надежда: неужели бабушка Василиса? Он так скучал по ней всё это время!

– Это не важно. – Старец продолжал медленно водить пальцами по струнам. Духи внимали неслышимой мелодии, не замечая разговора. – А здесь ты потому, что сам захотел этого. Бился о стену, которую возвели вокруг тебя.

– Неужели?! – Мальчик разом вспомнил обо всех пугающих снах и смутных видениях, которые посещали его последнее время.

– А когда Навь нашла к тебе дорогу, сумел призвать меня. – Собеседник улыбнулся. – Что само по себе диво дивное.

– За мной? Но кто? – Сердце в груди нервно забилось, норовя выпрыгнуть наружу. Липкий страх вновь подступил к своей добыче.

– Полно тебе! – Старец улыбнулся, страх тут же отступил, будто его и не было. – Кто-кто! Бабайка и кое-кто посильнее. Ты дал им дорогу, произнеся имя. Сами они в Явь пройти пока не могут. Но это временно. Для тебя же теперь открыты миры, мало кому суждено побывать в Вещем Лесу, и никому не суждено выйти отсюда прежним.

– Так, значит, я могу... – Он не успел договорить.

– Можешь и мог. Пока Сила не ушла совсем, а мы не превратились окончательно в домовых да дворовых духов.

– Зачем я им?

– Ты – внук Кащея. Теперь сие известно многим. Как ни хоронила-берегла тебя Василиса, всё тайное всегда становится явным.

– Ты мне поможешь?

В ответ заговорил не Велес, а словно сам Лес прошелестел листвою, вещая всем существом:

– Не жди помощи сильных, сам становись сильным!

– А как стать сильным?

– Си-и-и-л... ла-а-а-а... – Отрывистый гул звучал со всех сторон, переходя в звон, путаясь и сбиваясь, уплывая в Лес, теряясь между деревьям.

И тот час мальчик открыл глаза, с недовольством пытаясь углядеть неугомонный будильник, который трезвонил что было мочи, но в руки никак не давался, – яркие лучи рассветного Солнца ослепляли, игриво щекоча очи.

Подарок Макоши

– Владычица! Мы готовы.

Волк по сию пору стыдился этих слов, сказанных с искренним раболепием. Он не лукавил, преклоняя колено, едва ли не падая ниц перед её ледяным взором, колючим и пронизывающим насквозь. От того было еще тоскливее: до чего же он докатился!

Недавно чуть ли не правая рука Кашея, по глупости выступивший против сюзерена и побитый в бою. К счастью, расправы не последовало – не до того было. Да и сам Владыка Нави оказался слишком слаб после сражения с армадой Пришлого. Наказанием была ссылка на границу, в сторожевой отряд. Ладно, хоть поставили командиром, а не рядовым волколаком. И вот теперь – новый шанс: поквитаться и занять заслуженное место среди великих. Нужно лишь выполнить приказ и достать требуемое, что граничило с самоубийством.

– Соберите урожай! – Её голос был властен. Как же хотелось скулить и подчиняться. Слепо и самозабвенно. Не на страх, а на совесть. – Приготовлю подарочек муженьку.

Это было последнее, что она промолвила, словно бросила невзначай подачку. Как будто для говорившей поставленная цель не столь важна, и выполнит ли поручение новый слуга, не играет роли. Лишь перед тем как обернуться и уйти, женщина изучающее посмотрела в глаза оборотню, словно читая его, как раскрытую книгу, и удалилась восвояси, оставив после себя на земле ворох снежинок, бросив их у самого порога волчьего логова в Мглистых горах, проговорив напоследок: «Они помогут перейти Смородину. Не вздумай идти через мост – не пропустят!»

Так и случилось. Стая, всё же попытавшаяся проскочить прямым путем, была встречена стражами, они оказались непреклонны: «Вам не пройти!» А хуже всего было то, что с другой стороны узкого неказистого мостика, связанного из веток калины, маячила массивная трехголовая тень, от которой веяло жаром.

– Словно ждут кого-то или чего-то, – прорычал Волк, уводя стаю к реке, ища пологое узкое место для переправы.

Удобный берег нашелся не сразу, пришлось изрядно отойти от моста, дабы не потревожить сторожей. Волки встали у излучины реки, где поток усиливался, а расстояние до противоположного берега уменьшалось.

– Поторапливайтесь! – вожак нервно подгонял старю, еще до конца не веря, что им действительно удастся перейти реку.

– Живее, живее! – Ему вторил, помогая, Рык – один из опытейших волколаков в отряде.

«На моё место метит?» – подумал про себя оборотень, косо смотря на разгоряченного воина, но не время сейчас для склок – стае как никогда требовалось единство, а с выскочками позже разберемся.

Волк вдохнул воздух, дабы удостовериться, что поблизости нет опасности или соглядатаев, и остолбенел. Шерсть вздыбилась, глаза налились кровью, пасть оскалилась. Этот дух он узнает из тысячи, из несметного количества иных запахов.

Так пахла месть. Сладкая, лелеемая годами месть. Все сразу отошло на второй план. Буря эмоций, клокотавшая в груди, вырывалась наружу. Глаза горели, наливаясь кровью. И над бурлящей рекой раздался вой. Тоскливый и в то же время полный невыносимой ярости.

Стая оторвалась от дел, а затем, не сговариваясь, взвыла, подпевая вожаку. Каждый из них уже знал, что сейчас будет. Охота началась.

– Живее шевелим лапами! – Волк надрывал глотку, расставляя отряд, успевший перевоплотиться в людей, плотным строем, чтобы пройти быстрее – мало ли на сколько шагов хватит снежинок.

Тем временем Рык с одним из молодых волков спустился к реке, дабы проверить, сработает ли магия Владычицы.

– Не робей, щенок! Где наша не пропадала! – При этих словах волколак поежился: уж очень ему не хотелось отправлять на верную смерть одного из своих, но что поделывать, не самому же лезть в кипящую смолу.

Он отлично понимал, что Волк – новый вожак, чувствует заговор. Не так прост был их нынешний предводитель, сменивший именно Рыка, при переводе на границу после неудачного мятежа. Но ввязываться в противостояние сейчас значило погубить всю стаю, а опытный охотник желал совсем иного.

– Сдюжим, батя.

Совсем еще молодой парнишка лишь на пороге неминуемой гибели решился назвать командира отцом – в повседневной жизни это строго запрещалось. Подобное могло сломать дисциплину и погубить всех в решающий момент. Но сейчас, когда уже все предрешено, можно было и понаглеть.

– Полно тебе! – Седовласый крепкий старик в кожаной стеганке похлопал сына по плечу.

Первая снежинка, выскользнув из руки, словно застыла в воздухе. Провожаемая парой переполненных надеждой глаз, она плавно скользнула в исходящий от реки пар и пропала.

– Отец! – Парень взмолился. – Кидай скорее вторую.

– Обожди! – Крепко стискивая плечо рванувшегося сына, Рык не отрывал взгляда от реки Смородины.

Первое потрескивание они оба пропустили, даже не ожидая такого. Затем пришло время для настоящего удивления.

– Вот так диво! – Проверив лед ногой, молодой оборотень с опаской ступил на образовавшуюся гладь, которая простиралась вперед на несколько десятков шагов.

– Чего медлишь?! Кидай скорее остальные – неизвестно, сколько эта переправа выдержит! – Волк, как и следовало вожаку, подкрался незаметно и, взяв руководство на себя, отстранил Рыка от берега, с усмешкой переводя взгляд с сына на отца: дескать, с вами я позже разберусь.

Лед был крепок. Несмотря на то, что с реки валил жар, переправа выдержала и долго оставалась целехонькой после перехода стаи волколаков. Лишь когда они добрались до места, от которого шел запах русалки, понтон начал таять. Хотя до этого уже не было никому никакого дела. Стая шла на охоту, ведомая вожаком, и всецело полагаясь на его чутьё.

Пока разведчики разбежались, дабы изучить местность, Волк с яростью рыл берег, не смея прикоснуться к кипящей смоле, от которой шел запах Беренини.

- Если бы не задание... – Он швырнул несколько комьев воды в пучину, зная, что мавка где-то там, на глубине, наблюдает за ним и, наверно, посмеивается, радуясь, что сейчас в недосягаемости. – Ничего, пиявка, мы с тобой ещё поквитаемся!

Серые тени уходили от берега, стелясь по земле. Впереди ждала славная добыча.

– Как же так?! – Мальчик недовольно сжимал губы и хмурился. – Ничего не выходит. И ты меня провести не хочешь?

Очередная бессонная ночь уступала место рассвету.

Сколько их уже было, этих самых ночей? Не счесть!

Как же Ратибор радовался приходу Велеса! Весь следующий день ждал, что вот-вот нужно лишь только сомкнуть глаза и вновь встретиться с могущественным другом. Ждал и не дождался. Все следующие сны не имели ничего общего с тем волшебным путешествием, которое посчастливилось совершить в канун Купалы несколько недель назад. И даже, более того, все, пусть и смутные, совсем непонятные видения – весточки с иной стороны, которые сопутствовали неделям до и после летнего солнцестояния уже долгие четыре года, – оставили его. Это было более чем обидно. Душа терзалась в муках, хоть прямо сейчас беги. Но бежать было некуда. Точнее, конечно, есть куда, но туда не добежать.

– А еще друг называется! – Он всё сильнее сунулся, в нетерпении потопывая ножкой по полу.

Комната была освещена несколькими свечами-таблетками, стоявшими на полу. Маленькие огоньки шипели и норовили погаснуть в самый неподходящий момент: вестимо, когда откроется тропа. К сожалению, она всё никак не открывалась.

Прочитав за неполные две недели горы литературы, благо сейчас лето – «собачьи дни», как поговаривал отец, Ратибор не решился на что-то большее, чем свечи, которые бесхозно лежали в одном из шкафов на кухне. Выставленные на полу по кругу, они должны были, по замыслам юного чародея, открыть путь в Вещий Лес. По крайней мере, такой рецепт работал в одной из прочитанных книг. К несчастью, в жизни всё было не так просто.

– Ишь, важный! Путаешься под ногами. – Мальчик взглянул себе под ноги. – Вот скажи, какой прок от тебя?!

Клубок, наворачивавший очередной виражи вокруг свечей, остановился и опрометью выкатился из комнаты.

Волшебный подарок Бабы Яги, вернувшись к её правнуку, остался с мальчиком, неразлучно следуя за ним попятам. Поначалу это изрядно тревожило, особенно первый раз, когда Ратибор, только подбегая к спортивной площадке, заметил, что гость из иного мира увязался следом. Начав озираться по сторонам, придумывая, куда спрятать нежданных «хвост» и как при случае объяснить происходящее зевакам (ведь не каждый же день городской обыватель увидит катающийся тут и там клубок ниток), он пропустил момент, когда к клубку подбежали девчонки и зашебетали, присаживаясь на корточки, водя руками поверх клубка, словно поглаживая кого-то.

– Ты, чей такой?

– Забавный!

– Как тебя зовут?

– Пойдем с нами!

При этом подружки с опаской косились на Ратибора, который начал догадываться, что происходит, и молча стоял рядом.

– Алиса. – Мальчик узнал девочку со смешной фамилией Патрикеева, учившуюся в параллельном классе. – Нравится? – Понимая, что нужно скорее забирать клубок, он все же тянул время: она была ему симпатична, но раньше не обращала внимания. И как упустить такую возможность заговорить?

– Да! Он твой?! – Смахнув прядь огненно-рыжих волос со лба, Алиса привстала, за нею начали подниматься подружки, насупившись и перешептываясь меж собой. – Тебя, кажется, Ратибором звать? – Девочка улыбнулась, а ее подружки прыснули смехом. – Диковинное имя! Как в том мультфильме.

– Ничего не диковинное. – Мальчик, жутко стесняясь этого разговора, уже разворачивался, надеясь, что клубок пойдет за ним.

Но тот неожиданно запрыгал на месте, приближаясь к Алисе, тем самым окончательно выбив внука Яги из колеи.

– Какой же ты славный! – Девочки поднимали руки, то и дело отстраняясь, словно играли с небольшой шустрой собачкой.

– Значит, ты и так можешь, – бубнил про себя раздосадованный Ратибор. Вечерняя тренировка грозила вот-вот сорваться.

Так и вышло. Наотрез отказавшись идти с хозяином, клубок покатился вслед за девочками. В глубине души мальчик был рад этому. Они замечательно провели время и договорились с Алисой погулять вновь.

К сожалению, сейчас эти сладкие воспоминания только мешали – Вещий Лес манил загадками всё сильнее.

– Куда ты?!

Клубок тотчас вернулся, ткнувшись в ногу хозяина, и покатился прочь, зовя за собой.

– Чего удумал! – Мальчик шел следом, не решаясь противиться, хотя в душу закрались сомнения. – А если...
– Он резко замолчал, сглотнув и застыв на месте.

Излучая неяркий желтый свет, пустыми глазницами мальчика сверлили зенки белого черепа.

– Ратибор, берегись! – Русалка билась, как рыба, об лёд. Не пройти.

Дар «видеть» превратился в проклятие «не мочь». Уходя от погони волколаков, хоть она и понимала, что нет оборотням ходу в пучину реки Смородины, но страх гнал мавку пуще кнутов, она заплыла слишком далеко. Да так, что Огонь-река в этих краях остывала, обдавая холодом. Едва успевая уклоняться от плавающих ледяных глыб, Берегиня отчетливо видела в них изображения друга.

То он гуляет с рыжеволосой девочкой – зависть волчком закружилась в груди навъей, обещая высверлить её насквозь. Особенно тошно было от понимания, кто на самом деле укрылся под личиной кокетливой балаболки, с такой легкостью вскружившей голову мальчику.

В другом она узрела, как внук Василисы идет по странному месту, наполненному Силой. Правда, видно было очень мутно. В глазах рябило от белесых берез. К тому же, как только хмурый хранитель сего места, сидевший с гуслиями у костра, учуял соглядатая, видение пропало, а льдина, на поверхности которой оно промелькнуло, рассыпалась на мириады мелких острых

осколков, часть которых оцарапала не успевшую увернуться русалку.

Девушка и раньше слышала об этом месте – в старинных преданиях, передаваемых между утопленницами из уст в уста, да в шепоте водяного, когда у того было смурное настроение. Но ни разу не придавала значения этим рассказам, тем более, все в один голос твердили: «Туда не попасть».

– Море Забвения, – с натугой выдавила из себя Берегиня. – Дальние пределы и одновременно недостижимая граница Царства Вечного Сна.

Русалка вспоминала: поговаривали, что сама Зима избегает лишней раз посещать сие место, боясь задубеть. А ещё говорили, что отсюда нет ходу несчастным, сумевшим добраться до здешних краев.

Это беспокоило меньше всего. Ведь там, в каждой грани плывущего под водой льда, жил мальчик, которого она однажды взялась оберегать, но предала. Только сейчас девушка начала понимать значение почти забытых слов.

– Это не просто лед! – Она провела рукой по ближайшему айсбергу, который тотчас отозвался, давая возможность «видеть». – Это осколки, оставшиеся после выковки Ока Силы.

Страх обуял мавку. Она понимала, что прикоснулась к тайне, которую ей не стоило знать.

Навья вновь узрела друга.

– Ратибор, берегись!

Мальчик один-одинешенек стоял у границ Нави, перед Калиновым Мостом, а перед ним высоко воцаряясь (?) змеиные головы, возвышалось исполинское чудище.

Видение померкло. Лишь сейчас заметив, что льдины образовали неумолимо сужавшийся круг, русалка поняла, что угодила в западню.

– Не выскочить! – Она в очередной раз с размаху налетела на неподдающийся шершавый лед, оставляя куски плоти на его прозрачных, словно слеза младенца, краях.

Из черной бездны, куда Берегиня собралась погрузиться, уходя от смертельного кольца, раздался жуткий гул, словно там, на неведомой глубине, затаился невидимый исполин. Пальцы русалки начала сводить судорога, хвост коченел, едва подрагивая. Навья, не имея возможности сопротивляться, начала медленно опускаться в глубинную темноту.

Краем глаза заметив, что лед над головой, принимая форму кольца, являет сейчас отнюдь не Ратибора, а совсем иные образы, мавка обомлела, забыв о надвигающейся опасности,

Неожиданно русалку обдало слабой волной. Как будто южное течение заблудилось в этих водах, даря толику тепла. Она еще успела подумать, что это чем-то напоминает ласкающий ветерок на исходе дня, как её подхватил стремительный поток, уносящий несостоявшуюся добычу прочь от ревущего с досады глубинного чудовища.

Отлично запомнив, кого она узрела на ледяных стенках перед неожиданно пришедшей на выручку подмогой, русалка теперь точно знала, кто всё затеял.

- Ходят тут, бродят, чавой-то вынюхивают! – Хозяйка избы ворчливо бубнила под нос почти беззубым

ртом, постукивая черенком метлы по полу, отчего по тесной горнице разлетались сор и вековая пыль.

Это «ходят тут, бродют» продолжалось уже некоторое время. Менялась интонация. Порою шипя, бабка, делала паузу для раздумий, жевала губами, и всё начиналось заново.

– Чую-чую! – Ратибор аж подскочил на месте от этих слов и говора. Сразу вспомнились и недавний визит Бабайки в его квартиру, и те далекие приключения с Берегиней. Но нет, в избе они были всё также вдвоем: испуганный мальчик, нашедший то, что искал, не радующийся неожиданной находке, и дряхлая старуха в засаленном тряпье. – Кровь моя! Вот и пустили тебя стражи-черепа. Ух, я им! – помахала она метлой в сторону частокола, пристально уставившись на гостя.

Всё оказалось гораздо проще, чем думал Ратибор, хотя проход и открылся не там, где он ожидал. Клубок замер у картины «Баба Яга» знаменитого современного художника-славяниста, висевшей на стене в коридоре. Отец считал его одним из лучших последователей Константина Васильева. В этих картинах действительно таилась замерзшая в кратком миге покоя энергия. Висевшие на стене, они часто казались живыми, как и зеркала в купальские ночи. Так было и сейчас. Холст ожил. Даже картинка на нем сменилась: слепя ярким желтоватым светом, мальчика как будто изучали черепа на частоколе. В их молчании явственно читался вопрос: «Пустить или испепелить?»

Вынырнув из воспоминаний, Ратибор решил:

– Может, лучше я пойду? – Мальчик сделал неуверенную попытку встать, но был остановлен сухой и на удивление сильной рукой.

– Сиди! Ночь на дворе. Да и не потчевала я гостя, в баньке не выпарила, в печь... – Она запнулась, но после недолгого молчания поправилась: – На печь спать не уложила. – При этих словах старуха пододвинула к нему горшок с мутной, дурно пахнущей жижей, в которой что-то плавало, булькая и пытаясь выбраться.

– Сытый я! – Мальчик отстранился, морщась от омерзения.

Из углов горлицы едко пахло плесенью. Отталкивающий запах чувствовался с порога. Изба на курьих ножках изменилась до неузнаваемости. Грязная, заляпанная сажей, со скрипящими при каждом шаге половицами, узкая, неудобная, без дивного света в окне. Освещенная лишь несколькими лучинами, она вначале вызвала испуг у влетевшего на порог с радостным криком «Бабушка!», Ратибора. А затем – отвращение и немой вопрос: «Как же так?! Что произошло?!»

Но самое страшное было то, что и сама Баба Яга изменилась. Она уже не походила на ту величественную женщину, которую четыре года назад встретили, ища защиты, мальчик с девочкой. Совсем наоборот: теперь хозяйка волшебной избы была точь-в-точь как в детских страшилках: костлявая, беззубая, шепелявящая. От нее веяло самой Навью. Нежданный гость начал понимать, что попал в западню.

– А я тебя помню! Ты ко мне давеча шастал с этой вертихвосткой. Вынюхивал чавой-то. – Она постучала метлой об пол и снова затянула: – Ходют тут, бродютвсякие, вынюхивают! – При этих словах она мельком взглянула на дверь, на которую то и дело посматривал Ратибор, думая дать стрекача, и в тот же миг, жутко скрипя и покачиваясь входная дверь затворилась, лишая мальчика шанса на побег.

– И ничего мы не шастали и не вынюхивали! – Понимая, что сбежать не удастся, пленник набрался смелости и пошел в атаку. – И Берегиня тебе не вертихвостка!

– Берегиня! – многозначительно проговорила старушка, пожевывая губами, словно пробуя на вкус имя русалки.

В этот краткий миг лицо ее посветлело, спина выпрямилась, голос стал приятным. Мгновение – и всё вернулась на круги своя.

– Помню-помню, изрядно вы тогда нашумели, много Силы пролилось.

– Ты вспомнила?! – Он, радостный, вскочил, надеясь, что всё страхи уже позади и бояться нечего.

– Сидеть! – неожиданно громко рывкнула Яга.

У Ратибора подкосились ноги. Опускаясь на скамью, он не отводил взгляда от горящих яростью глаз прабабки.

– Ты говоришь, Сила пролилась. – Мальчик сделал попытку увести разговор в сторону. – Куда же она делась?

Хозяйка только пуще разозлилась.

– Силу ему подавай! – Не скрывая намерений схватить правнука, она начала наступать на гостя, обжигая пылающими от ненависти огоньками глаз. – Ишь, чего удумал! Вона, силы у Перуна скока, ента не перемочь. – Яга потрясла кулаком куда-то в потолок. – А тута нет силушки вовсе.

– Значит, Перун, – лишь губами прошептал мальчик, юркнув под стол, и, выбравшись с другой стороны, показал язык.

Честно говоря, он сейчас очень боялся, и задоря старуха, лишь пытался избавиться от одолевающего его напряжения, постепенно переходящего в оцепенение.

В голове ураганом закружились мысли. Ратибор помнил грозного бога и даже не представлял, как к тому подступиться, если и случится увидеть воочию вновь Громовержца на его могучем, сотканном из урагана скакуне. Но долго размышлять не получилось. Бабка не сдавалась, хоть и не могла тягаться прытью и ловкостью с мальчуганом.

– Сила в тебе самом. И немалая, внучек. – Она в очередной раз зашипела и в невероятном прыжке, отбросив метлу, кинулась к зажатому в углу Ратибору. – Мне её надолго хватит!

– К Лешему этот бурелом! – Ласковый женский голос с легким налетом холода и вьюги бранил на чем стоит свет хозяина местной чащобы. – Устроила бы ему взбучку!

Она то и дело спотыкалась, цепляясь подолом длинного платья за сучки – не привыкли её стройные ноги пробираться по густому бурелому да перешагивать валежник. Но иной дороги не было. Конечно, можно было всего лишь взмахом посоха – подумаешь, какая мелочь! – проложить торный путь и с легкостью добраться до искомого. Но такой мощный всплеск Силы взбудоражит местных обитателей, да и хозяйка, в дом которой хотела наведаться незваная гостья, могла почуять её загодя и приготовить слишком теплый приём.

То, что её уже давно учуяли, лесная странница не догадывалась.

Как она ни таилась, скрываясь за личиной обычной женщины, которая неизвестным образом оказалась в Нави, мелкие духи и кровопийцы спешили скорее сойти с её дороги.

– Придет моё время – быстро наведу порядок!

Она продолжала браниться, хоть стала реже спотыкаться, приподняв подол платья рукой. Вторая, на вид хрупкая и тонкая, словно хрустальная, крепко держала белый посох, который в тусклом свете угасающей Луны временами больше походил на косу. Действительно, тени порою могут сыграть злую шутку в обманчивом лунном свете.

Когда впереди замаячил тусклый свет, ночная путница насторожилась. Чудилось что-то неладное.

– В твоём царстве все иначе, Владычица?

Она не заметила говорившего, пока тот не объявился сам. Но путнице удалось не подать виду, как она удивлена и раздосадована. Негоже ей показывать свою уязвимость.

– Ты как всегда проницателен, Черный.

Раскланявшись в наигранном поклоне – не умеют такие ломать спину, от роду не учены, – буравя взглядом из-под капюшона, собеседник указал посохом, навершие которого украшал выбеленный до блеска череп, перед собой.

– Я расчистил нам дорогу.

Вступив на выжженный участок земли, на которой доселе возвышалась опушка густого леса, а ныне не осталось ничего живого, лишь разлагающая все, к чему прикоснется, плесень, собеседница, не сдержавшись, вспыхнула:

– Зачем? Она же нас заметит!

– Думаешь, она заметила тебя лишь сейчас? Ты, правда, полагаешь, что она настолько слаба и глупа? Старуха учуяла тебя сразу, как ты вышла из своих пределов. Лишь в них ты скрыта от её очей.

Ответить было нечего. До частокола они прошли молча.

– Цепные псы! – На женщину недобро пялились черепа. – Великие воины древности, маги, мыслители, колдуны! Вот что она с вами сделала! – и добавила в сердцах: – Старая пряха!

– Не стоит недооценивать врага. – Черный Колдун с прищуром посмотрел на собеседницу.

– Я могу пробиться! – Она подняла посох, который сейчас все больше напоминал косу.

– Вероятнее всего, да. – Маг был спокоен. – Но во что обойдется тебе твоя победа?

Череп, чувствуя угрозу, развернулись, направляя желтое свечение глазниц на гостью, стоявшую на четном участке.

– Не беспокойся! Их свет бессилен на моей земле. – Чародей сверкнул глазами, собеседница в ответ ухмыльнулась: дескать, какая «твоя земля» в Нави, но промолчала. Колдун сделал вид, что не заметил её реакции. – Но и я не могу пройти дальше: старая мать сильная. Пока ещё сильна.

– Да, в отличие от неё Кашей был глуп и пал.

– Ты снова недооцениваешь врага.

– Какой он мне теперь враг?! Тем более, так легко попался на твою уловку в судьбоносную купальскую ночь.

– Ты была прозорливее. – Колдун поклонился, неожиданно учтиво и низко. – Хорошо, что я пришел к тебе первой. План по свержению Чернобога удался.

– К сожалению, мы не угли старуху. – Женщина подняла выше подбородок, словно желая показать всем сомневающимся, насколько прекрасен её лик при свете Луны.

– Она – последний оплот старого Мира.

При этих словах из избушки на курьих ножках послышались шум, ругань и звуки битой посуды.

– Я вижу, мы не одни пришли на огонек! – Чародейка вопросительно уставилась на собеседника. – Кто там?

Тот промолчал, в своей манере игнорируя не интересные ему вопросы.

Владычица отлично понимала, что и она, скорее всего, лишь пешка в игре Пришлого. После падения Кащея она все больше уверялась в этом. Но, считая себя прозорливой, с тонким расчетом играла то простушку, то вспыльчивую и горячую молодую волшебницу, стремясь если не обмануть Черного Колдуна, то хотя бы заставить его сомневаться, какова она на самом деле. На кону была власть, да такая, что не сравнится с теми крохами, которые принадлежали ей сейчас. И она всерьез вознамерилась победить в этой борьбе.

– Твои волки уже на пути в Ирий, советую и тебе не задерживаться. – С этими словами собеседник растворился в воздухе.

– И зачем звал сюда, в такие-то дебри? – Женщина была недовольна, но посмела заговорить лишь после того, как перестала чувствовать чародея рядом с собой.

В этот момент шум в избе стих, и тонкий слух волшебницы уловил шаркающие шаги. Кто-то шел к частоколу.

– Брысь! Блохастый!

С диким мявом и шипением черный оцетинившийся комок отлетел в сторону. Коту удалось задержать хозяйку всего лишь на мгновение, но и этого было вполне достаточно. Ратибор увернулся от растопыренных пальцев Бабы Яги и юркнуть в чулан.

– Не влезай! – Старуха, обернувшись к подрагивающему на полу Коту Баюну, погрозила тому пальцем и, прихрамывая, направилась следом за внуком, досадуя, что потеряла драгоценное время. – Он мой!

В кладовой стояла непроглядная темень и жуткая вонь. Пропитанный сыростью чулан первым в избушке приютил на бревенчатые стены споры черной плесени еще в далекие-далекие времена, когда и деревья были выше, и трава зеленее, в реках растекалось молоко, а берега были кисельными. Теперь же в небольшой коморке гниль была повсюду, поглощая и медленно уничтожая всю хозяйскую утварь.

– Гр-брог-агр! – Ратибор лежал на полу, не в силах пошевелиться: руки и ноги прилипли к липкому полу. Склизкий комок гнили, свалившийся с потолка, плотно забил рот, стоило только мальчику поскользнуться и упасть.

– Попался, голубчик! – Яга торжествующе улыбалась беззубой улыбкой.

– Шпра-влп-ывл!!! – негодуяще пробурчал Ратибор залепленным ртом.

– Сейчас-сейчас! – Хозяйка засуетилась. Вновь мелькнула величественная тень Макоши, какой правнук её

и запомнил. – Негоже с этой дрянью в печь полезать, ой, не гоже!

Она бережно вынула склизкий комок, одной рукой взяла Ратибора за грудки и поднесла мальчика к лицу.

– Что ты щебечешь, мой голубок?

– Отпусти!

Пленник попытался вырваться, но не тут-то было. Хватка на вид хрупкой старушки была железной. Не обратив внимания на трепыхание, Баба Яга молча вышла из чулана, волоча правнука за собой, при этом прихрамывая и опираясь на клюку.

Одного взгляда старухи хватило, чтобы в печи затлел огонёк, с каждой минутой расцветая, набирая силу и жар.

Для Ратибора далее все происходящее было как в тумане. Мальчик, дивясь самому себе, оставил все попытки вырваться и просто принял неминуемую участь, уже понимая, что будет дальше.

Лопатка оказалась на удивление удобной и липкой: не соскочить. Да и сопротивляться не хотелось. Марево, окутывающее разум мальчика, становилось все гуще: «Словно саван», – мелькнула мысль, но её уже не хватало, чтобы взбодрить паренька, заставить сопротивляться.

– Только это защитит... – Слова, раздавшиеся гулким эхом, зазвенели в ушах в тот самый момент, когда лопата с Ратибором уже вошла в жадную, жаркую печную пасть.

Жара словно и не было. Чувствовалось тепло, спокойствие и уют. На теле словно нарастала вторая кожа тонкой броней. Слой за слоем она слоилась, превращаясь в раскаленную докрасна кольчугу.

Забытый всеми Кот Баюн, пошатываясь, поднялся на все четыре лапы и, не раздумывая, кинулся на хозяйку.

Но не тут-то было! Занятая перепеканием правнука старушка была начеку. Удивленная морда кота, следуя за обмякшим телом, медленно сползла с маленького, но твердого кулачка, и Баюн в очередной раз провалился в беспамятство.

– Не мешай! Рано ещё! – Она недовольно просипела, не отводя взгляда от печи. – И так мало Силы осталось. Больше не сдюжить. Всё в ту ночь расплескали, не распознав западни. Чавоюш теперь. – Её голос снова стал меняться. – Ходют теперя тута... – Она взглянула куда-то вдаль, сквозь стены избы, которые, конечно, не могли помешать видеть Макошь, отдававшую последнюю толику себя, чтобы защитит Ратибора, и окончательно превращающуюся в Бабу Ягу.

– Всё! – Старушка простонала, вытаскивая лопатку с дрожащим, как на сильном морозе, мальчиком и отпрыгнула подальше, прокричав что есть силы: – Беги!

Но Ратибор замешкался, уже понимая, что происходит: оцепенение прошло, и все чувства заработали на полную мощь; мальчик все же замер на месте – не столько в испуге, сколько в недоумении. На него, шипя, надвигалась сгорбленная старуха.

– Попался!

В отличие от правнука Яга и не думала медлить. Её острые когти вонзались в детское тело. Рана сразу же зарастала, багровея и твердея после каждого нового удара. Глаза старухи горели огнем.

– Ах! Ты так! – Она шипела, плюясь слюной, гневаясь от собственного бессилия. – Посмотрим, как сладишь с этим.

Повеяло ледяным ветром, словно в избу ворвался буран. Ратибора отшвырнуло к стенке. Да и сама хозяйка с трудом держалась на ногах – она уже не была той

Макошью, которой принадлежало это последнее оружие, что могло играючи разбить наспех сотворенную защиту правнука.

– Всё, приехали! – Мальчик жалел, что не сбежал раньше, когда еще была возможность.

– Подь сюды, касатик мой. – Ласковый тон наступающей Яги не обманул внука.

Когда казалось, что всё уже предрешено, в очередной раз за эту ночь в бой вступил Кот Баюн. Он с громким мявком запрыгнул на спину нападавшей и начал рвать её острыми когтями, то и дело уворачиваясь от быстрых ударов, желающих больше сбросить противника, чем нанести ущерб, – было не до того, мальчишка важнее. Но, к великой радости последнего, ей не удавалось остановить стремительную атаку: все же прабабка уже не была той Макошью, которая справилась с котом играючи.

Беспорядочно размахивая смертоносным оружием, старушка крутилась на месте, не заметив, как в бой вступил новый персонаж. Не замеченный никем, плавно делая витки, вокруг ног хозяйки избы начал вертеться клубок, запутывая её лодыжки прочной нитью. Это привело к ожидаемому результату: запнувшись, Яга пала, уронив оружие.

Не раздумывая, Ратибор схватил драгоценный источник Силы и, следуя за клубком, махнул в распахнутое окно.

– Неужели снова кросс по Нави? – бормотал он себе под нос, потирая ушибленное при падении колено, быстрым шагом направляясь к частоколу, который, развернув очи, поливал беглецов неярким светом, не решаясь пустить в действие дремлющую силу: в мальчике была кровь – кровь самой Хозяйки.

– И то слав... – попытался проговорить мальчик,



выйдя за околицу и наткнувшись темный силуэт. Незнакомец буравил мальчика злым, немигающим взглядом.

Он стоял на выжженном участке земли, который простирался кольцом, окружив поляну Макоши. Веяло едким запахом гнили и плесени.

– Отдай! – властно потребовал холодный, как декабрьская ночь, голос.

Как только её рука потянулась к Ратибору, он в испуге отшатнулся, с досадой падая и проваливаясь в пустоту, лишь успев разглядеть, что нападавшая на краткий миг отвлеклась; это и помешало ей схватить мальчика.

– Ох, ты! – только и смог простонать он, вылетев из картины и больно ударившись о противоположную стену. Холст принимал знакомые очертания. Лишь тяжелый ледяной взгляд незнакомки не отпускал его еще очень долго.

Запели петухи. Или, точнее, показалось, что они запели: какие петухи в центре города?

– Как же так?! – Мальчик с досадой смотрел на ладонь, в которой растворялось добытое в бою оружие.

Утро вступало в свои права.

Перунов день

– Говорил же, что получится! – Волк, обернувшись человеком, поглаживал рукоять увесистой палицы.

Вечерело.

Слегка поредевший отряд притаился в густых зарослях, подле праздничной поляны, на которой сутились люди.

– Да, не высовывайся ты! – шипел на кого-то поодаль Рык.

В бою воевода потерял младшего сына, но ничем не показывал неутихающую боль, продолжая помогать вести стаю, всё чаще стараясь уходить с разведкой, нежели следовать с основной группой.

– Напасть бы...– Справа раздался досадливый шепот.

– Тише! Я вам сейчас нападу! – вожак был на взводе.

– И не таятся!

– Ждут.

– Чего им таиться?! Они для людей – незримые тени, их время ещё не пришло.

– А наше может закончиться, не успев начаться! – Волк со злостью зыркнул на балаболов, и те тотчас смолкли. – Для них мы зримы, как и они для нас. – Он вновь поморщился. – Да и для людей тоже.

Обряд был в самом разгаре. На поляне собрались всё мужское население деревни. Вожак стаи даже припомнил название: «Влесов Ключ» – именно в этом местечке он едва не пал в бою с местными богатырями во время безумного штурма Яви несколько людских лет назад. Эх, было времечко! И вновь судьба привела его на это злосчастное место.

Уходя от преследователей, избегая открытого боя, позволяя себе лишь стычки с разведчиками врага (не потому, что боялись – не нужен был им бой, пробраться в Правь – вот главная задача), волки уже на рассвете вышли к этому месту. И сейчас, голодными глазами взирая на ломящиеся от яств столы, лишь облизывались, не смея нарушить приказ: «Сидеть и не высовываться».

Ожидание томило. Лишь наблюдение за ничем не подозревающими смертными немного скрашивало время этой вынужденной засады. Спозаранку людишки разожгли так называемый «живой огонь», дабы подпалить костры. Затем устроили шествие с бряцанием оружием и песнопениями. Позже состоялись ритуальные бои, видя которые, волколаки задержались, сжимая оружие, желая самолично ворваться в эту толпу и научить живых уму-разуму в воинском деле. Но вот ожидание заканчивалось, и должно было произойти то, ради чего Волк привёл сюда оборотней.

Их злейший враг, пращурь тех самых богатырей с поляны – громовое войско Ирия – стояли среди предков, невидимые и неосязаемые для живых. Они тоже ждали своего часа.

– Кажется, начинают.

Один из обрядников забил в бубен. Мерные удары разносили по округе ускоряющийся ритм.

– Что же им дома то не сидится? – Волк скалился, понимая, что будет далее: скольких таких смельчаков встречал он на подступах к Нави! Немногим из них суждено было вернуться к семьям.

Старец говорил последние напутствия юношам, которым выпала честь стать сегодня мужчинами, пройдя обряды посвящения. Перво-наперво им предстояло спуститься в Навь. Конечно, не в само царство Кащеево, а

всего лишь к его границам. Затем пройти босиком по углям. И наконец, вслепую найти дуб, символ Перуна-громовержца, решить три загадки и получить право называться мужчиной. Это означало и право носить оружие. Так повелось с незапамятных времен: оружие не могли носить только рабы или умалишенные, а мужчина просто обязан быть вооруженным.

– Радуются. – Рык со злостью глядел на воинов Перуна, которые незримо для потомков подбадривали их. – Недолго уж осталось. – Бывалый оборотень отлично понимал замысел Волка и дивился прозорливости вожака.

Громовое войско неспроста появилось у границ Нави. Богатыри совершали тот же самый ритуал, что и их потомки. Молодые, недавно призванные в Ирий, погибшие, защищая свой род, они должны были пройти обряд посвящения. И обратный путь открывала им только дорожка из раскаленных углей. Но если для живых это именно угли от умирающего костра, то небесную рать ждало настоящее испытание, пуще только идти по Смородине-реке без помощи волшебных снежинок.

Когда первые горсти земли упали на обнаженные тела юношей, лежавших в небольших углублениях в траве, а бубен ускорил ритм, мимо затаившихся волколаков пронеслись тени.

– Убегли! – с досадой пронеслось за спиной предводителя.

– Готовсь! – Волк достал шипастую палицу. – Как только пронесутся обратно, подкрадываемся ближе. И не зевать: река времени везде течет по-разному.

Не прошло и мига, как на настойчивый зов бубна тени стали возвращаться. Юноши, пошатываясь, вставали, отряхиваясь, и направлялись к заранее подготовленной дорожке из раскаленных докрасна углей.

Громовое войско опередило потомков.

Когда первые богатыри Перуна, проходя огненный путь, стали растворяться в воздухе, волколаки сорвались с места. Впереди всех, не обращая внимания на гневные выкрики вожака, бежал, размахивая двуручной секирой, Рык, успевший наполовину обратиться в волка, оставив человеческими лишь торс и руки.

По поляне разнесся боевой рык:

– Навь, Навь, Навь!

Врезаясь в спину уходящих в чудесный сад витязей, оборотни били не щадя, уничтожая опешивших воинов. Расправа была скорой. Не мешкая ни на мгновение, уворачиваясь от клинков опомнившихся людей, которые уже успели сменить облик, волколаки не мешкая прошли в Ирий. И тотчас рассредоточились по близлежащей территории, прячась в густых зарослях диковинной травы, черной, как ночь, готовые в любой момент бежать или держать оборону, в зависимости от реакции обитателей Прави.

Кругом стояла мертвая тишина. Словно никто не заметил дерзкого вторжения. Даже не было слышно дыхания запыхавшейся своры – настолько они испугались собственной наглости и сопутствующей удачи.

– Знал же, что согдится когда-нибудь сей путь. – Волк, осмелев, первым подал голос. Нужно было решать, что делать дальше. До искомого оставалось совсем ничего. Но они сейчас на чужой территории, где каждый куст – опасность, каждый обитатель – враг.

Навьы двигались, стелясь по траве, замирая при каждом шорохе.

На опушке показались двое: мальчик, шедший рядом с высокой стройной девушкой. В нос оборотня вновь ударил знакомый запах. Тратя все силы на то, чтобы

Оглавление:

Книга I. Золотые яблоки Дажьбога.....	3
Пролог.....	4
Вещие сны.....	7
Подарок Макоши.....	25
Перунов День.....	48
Золотые яблоки.....	75
Радогощь.....	92
Похороны мух.....	127
Эпилог.....	147
Книга II. Царство Вечного Сна.....	154
Пролог.....	155
Витязь.....	158
Стражи Калинового моста	177
Ледяные великаны	206
Чертоги Мораны.....	219
Удар Перуна.....	242
Огонь Сварожич.....	261
Эпилог.....	